

Munich Personal RePEc Archive

**PUZZLES OF PUBLIC OPINION:
WHY SOVIET POPULATION
SUPPORTS THE TRANSITION TO
CAPITALISM SINCE THE LATE 1980S**

Vladimir Popov

New Economic School

8. August 2014

Online at <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/57842/>

MPRA Paper No. 57842, posted 9. August 2014 06:39 UTC

ЗАГАДКИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ПОЧЕМУ СОВЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПЕРЕХОД К КАПИТАЛИЗМУ С КОНЦА 80-Х ГОДОВ

В.В. Попов

АНОТАЦИЯ

Почему после резкого увеличения неравенства в 90-е годы прошлого века, после появления и стремительного обогащения «олигархов», альтернативная (левая, социал-демократическая) экономическая политика, которая могла бы улучшить материальное и социальное положение значительного большинства населения не поддерживается этим большинством? В статье доказывается, что в условиях незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) средства массовой информации и избирательные кампании контролируются владельцами крупных состояний, так что возникает замкнутый круг: рыночные реформы и частная собственность рожают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы в этих реформах, но и обладают рычагами поддержания своего экономического и политического влияния через СМИ и демократические выборы. Возвращение общественных предпочтений к «норме» – к стереотипам, отражающим интересы большинства, возможно лишь при отделении СМИ и политического процесса в целом от частного капитала и частного финансирования.

PUZZLES OF PUBLIC OPINION: WHY SOVIET POPULATION SUPPORTS THE TRANSITION TO CAPITALISM SINCE THE LATE 1980S

Vladimir Popov

ABSTRACT

Why even after the dramatic increase in inequality in the 1990s and after the emergence and enrichment of “oligarchs”, the alternative (leftist, social democratic) economic policies that could have improved material and social wellbeing of the majority of the population is not supported by this majority? It is argued that in immature democracies (without efficient restrictions for the participation of private capital in politics) mass media and electoral campaigns are controlled by the rich, so there is vicious circle: market reforms and private property create the class of the wealthy (“oligarchs”) that are not only interested in these reforms, but also have power to maintain their political and economic might through mass media and democratic elections. The return of public opinion to the “norm” so that it reflects interests of the majority is possible only if mass media and political process are separated from private capital and private financing.

ЗАГАДКИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ПОЧЕМУ СОВЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДДЕРЖАЕТ ПЕРЕХОД К КАПИТАЛИЗМУ С КОНЦА 80-Х ГОДОВ

В.В. Попов

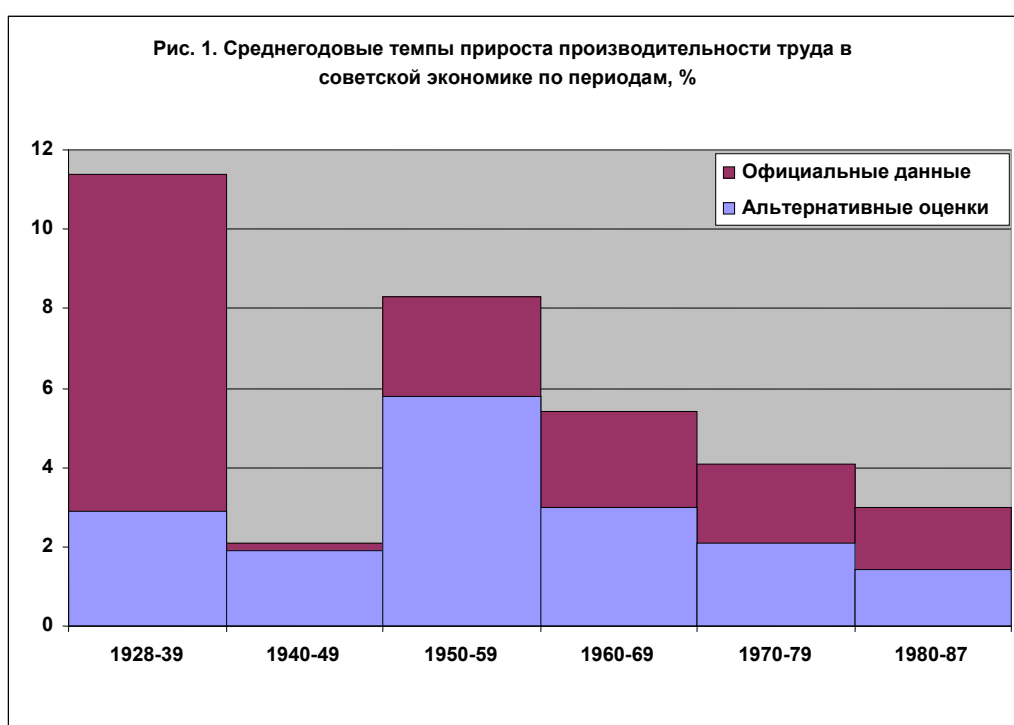
Известно, что общественное мнение не всегда адекватно отражает объективные перемены. Люди чаще переоценивают свои способности, чем недооценивают, прогнозируют ситуацию, исходя из прошлого опыта (адаптивные ожидания), и далеко не всегда рациональны при принятии решений. Переходный период от социализма к капитализму, как и другие переломные периоды истории, представляет богатейший материал для анализа закономерностей эволюции общественного сознания. Можно сформулировать по крайней мере несколько «загадок» изменения общественных предпочтений в СССР и России с конца 80-х годов прошлого века:

1. Политический класс и интеллигенция в основном поддержали рыночные реформы конца 80-х-начала 90-х годов прошлого века и сумели убедить в их необходимости широкие массы населения, хотя ранее были в массе своей привержены социалистическим идеалам.
2. Большинство или, как минимум, значительное меньшинство населения поддержало шокотерапию в 1991 году, хотя этот вариант реформ привел к резкому ухудшению материального положения и социального статуса большинства (от реформ в 90-е годы выиграли менее 5-10% населения).
3. Даже и сегодня, после появления и стремительного обогащения «олигархов» и резкого увеличения неравенства, альтернативная (левая, социал-демократическая) экономическая политика, которая могла бы улучшить материальное и социальное положение значительного большинства населения не поддерживается этим большинством.

В настоящей статье делается попытка дать объяснение этим «загадкам» общественного сознания.

1. Как элита разочаровалась в плановой системе: утрата социального динамизма (1970-80-е годы)

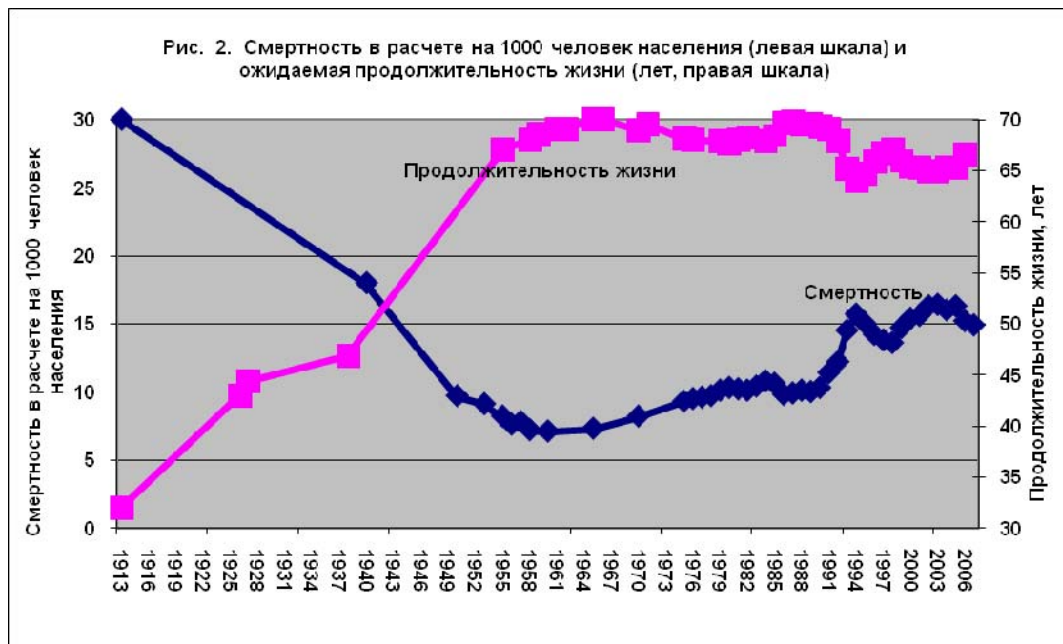
Пик развития советской плановой системы пришелся на начало 60-х. После этого экономика, хоть и продолжала расти, но с постоянно замедляющимся темпом (рис. 1). Продолжительность жизни достигла 70 лет в 1965г., а затем уже не росла (оставаясь до 1991г. в промежутке 68-70 лет – рис. 2). Преступность, убийства, самоубийства, потребление алкоголя стали нарастать с 60-х годов (рис. 3). В общественной и культурной жизни хрущевская «оттепель» закончилась в середине 60-х, а надежды на построение «социализма с человеческим лицом» были похоронены с вводом войск в Чехословакию в 1968 году.

Источник: Easterly, W., Fisher, S. 1995. The Soviet Economic Decline. – *The World Bank Economic Review*, Vol. 9, No.3, pp. 341-71.

Чтобы понять, в какой мере 70-80-е годы были застоём, надо оценить динамизм системы в предшествующий период. До этого темпы роста советской экономики действительно были очень высокими – в 30-50-е годы только две страны мира сокращали разрыв с США – Япония и СССР. Если царская Россия, как и Европа, весь XIX век, чем дальше, тем больше отставала от США, то Советский Союз стал быстро нагонять, так что ВВП на душу повысился с менее

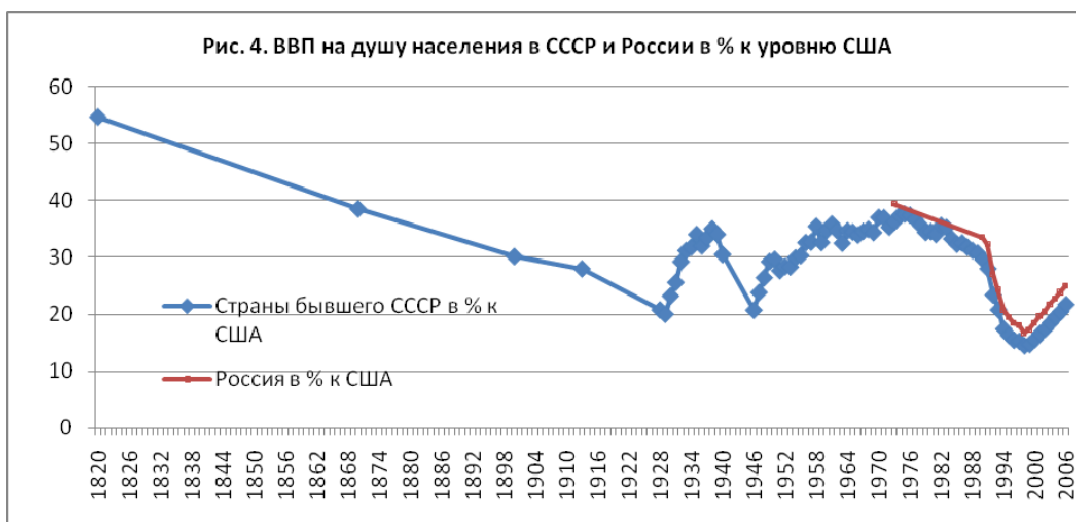
30% в 1913г. (и 20% в 1928г.) до почти 40% от уровня США к концу 60-х, несмотря на падение во время войны (рис. 4).

Источник: Госкомстат.

Источник: Госкомстат; Демоскоп, № 263 – 264, 30 октября - 12 ноября 2006.

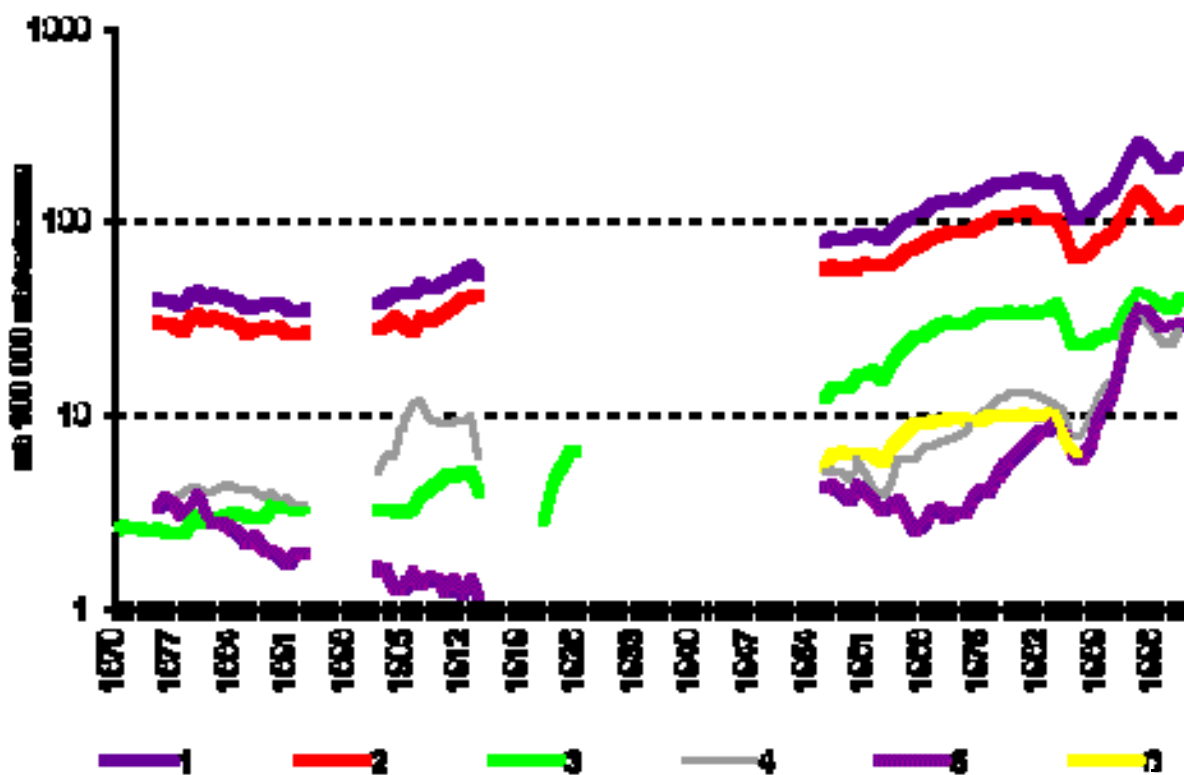
Источник: Maddison, A. [Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD](http://www.ggd.net/maddison/) (Last update: October 2008, *horizontal file*, copyright Angus Maddison) - <http://www.ggd.net/maddison/>

Продолжительность жизни в 70 лет в середине 60-х годов, всего на 1-2 года меньше, чем в США, – это невиданное социальное достижение для страны, подушевой ВВП которой не дотягивал и до 40% от американского уровня, а подушевое потребление составляло и того меньше (из-за более высокой доли инвестиций и расходов на оборону), видимо, не более 30% от уровня США. Уровень убийств в конце 50-х – начале 60-х годов был значительно ниже уровня начала XX века и примерно таким же, как и в конце XIX века (рис. 5).

В общем, как ни посмотреть, советская модель догоняющего развития в 50-е-60-е годы при всех ее недостатках безусловно была очень конкурентоспособной, и в экономике и в социальной сфере, и «даже в области балета» – не менее притягательной, чем восточноазиатская (китайская) модель сегодня. Потому-то ее и пытались с разной степенью успеха копировать развивающиеся страны, даже когда мы не предлагали за это никакой экономической помощи. Куда подевалась эта конкурентоспособность в 70 – 80-е годы, что привело к застою, – отдельный вопрос, на который у каждого свой ответ (Попов, 2007, 2008; Роров, 2007). Но вот последствия потери конкурентоспособности стали роковыми для социализма – советская элита, ранее принимавшая ограничения своего потребления как

«временные трудности роста», в 70-80-е годы стала постепенно отворачиваться от социалистической идеи.

Рисунок 5. Смертность от внешних причин - некоторые причины: Российская Империя - РСФСР - Российская Федерация, 1870-2000 (логарифмическая шкала)

1- все внешние причины; 2- неумышленные (включая производственные); 3- самоубийства; 4- убийства; 5- неуточненные (умышленные или неумышленные); 6 - только производственные.

Источник: Демоскоп, № 29 – 30 , 13 - 26 августа 2001.

Рассказывают¹, что в 1964 г. после официальных переговоров министров связи Гондураса и СССР в Тегусигальпе, гондурасский министр, г-н Родригес, пригласил гостя, г-на Иванова, к себе на асьенду недалеко от столицы. Он показал г-ну Иванову свое небольшое поместье площадью около 5 га с фруктовым садом, особняк с 7 спальнями на втором этаже, бассейн, гараж с коллекционными лимузинами, помещения для многочисленной прислуги. Вечером, на обеде г-н Иванов с удовольствием отведал экзотические блюда, многие из них – впервые в

¹ Совпадения с реальными историческими персонажами и событиями – чистая случайность.

жизни. Г-н Родригес показал фото своих детей, которые учились в Гарварде и Принстоне. На следующий день была прогулка на одном из раритетных лимузинов и рыбалка на личной яхте г-на Родригеса.

Г-н Иванов в Москве жил на порядок скромнее, но не особенно завидовал г-ну Родригесу. Он знал, что народ Гондураса беден, многие в стране голодают, а продолжительность жизни в Гондурасе составляет всего 50 лет против 70 лет в СССР; что советские, а не гондурасские ученые получают нобелевские премии, что первый искусственный спутник Земли и первый космонавт в мире – советские. Наши подводные лодки бороздят Мировой океан, – думал, г-н Иванов, – мы обогнали всех «даже в области балета», мы сокращаем разрыв с Западом по уровню экономического развития, а в социальной области наше рабоче-крестьянское государство строит социализм с человеческим лицом – первое в истории новое общество социального равенства и справедливости. Г-н Иванов гордился достижениями своей страны и ее социальным динамизмом.

20 лет спустя, в 1984 году, преемник г-на Иванова на посту министра связи и коммуникаций г-н Петров, посетил Гондурас для переговоров со своим визави, министром Гонзалесом, преемником г-на Родригеса. Он был неприятно удивлен и даже раздражен тем, что увидел. Он узнал, что продолжительность жизни в Гондурасе выросла за последние два десятилетия с 50 до 65 лет, тогда как в СССР за то же время продолжительность жизни не только не выросла, но даже и сократилась, так что едва-едва выше, чем в Гондурасе. Да, Советский Союз был более развит экономически и технологически, но г-н Петров хорошо понимал, что он лично, похоже, никогда не будет жить так хорошо, как г-н Гонзалес. И он спрашивал себя – почему? Разве он не заслужил того, что имел г-н Гонзалес? Чьи подводные лодки бороздят Мировой Океан в конце концов? Кто впереди планеты всей в науке и искусстве, в космосе и балете, Гондурас или СССР?

Раньше, – рассуждал г-н Петров, – Советский Союз рос быстрее, чем Запад, так что мы были уверены, что наши трудности временные и что мы скоро догоним богатые страны. Раньше мы видели свет в конце туннеля и были готовы терпеть лишения ради высших целей добра и справедливости. А теперь, если мы уже не догоняем Запад, зачем нам страдать и терпеть? К черту социализм! Может быть, это прогрессивная социальная система, но не для меня. При капитализме в СССР я лично буду жить лучше, чем все министры Гондураса вместе взятые.

Так менялось отношение советской элиты к социализму в 70-80-е годы, когда командная система утратила динамизм. Ранее эта элита – политическая, техническая, интеллектуальная – была лояльна режиму, несмотря на более низкий, чем на Западе, уровень жизни. Энтузиазм элиты питал именно социальный динамизм, сокращение разрыва в уровнях экономического и социального развития, вера в то, что социализм как более прогрессивная система превзойдет в конце концов капитализм по всем показателям. Эта вера, однако, была поколеблена снижением темпов роста в 70-е-80-е годы, приведшим в итоге к застою.

2. Почему население не проголосовало против рыночных реформ после того, как они привели к снижению уровня жизни (90-е годы)

В начале 90-х годов в Восточной Европе реформаторы опасались, что издержки перехода к рынку могут отвлечь избирателей от капитализма и снова привести к власти антикапиталистические партии. Поэтому теоретики шокотерапии говорили об «окне возможностей», предлагая готовить план реформ чуть ли не в тайне от общественности, а затем максимально быстро, до того как население успеет опомниться, провести его в жизнь, чтобы издержки возвращения назад стали запретительно высокими. «Концентрация политической власти, ограниченная политическая конкуренция и быстрое претворение планов в жизнь улучшают перспективы экономических реформ» – так авторы ежегодного доклада Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР) суммировали в 1999 г. традиционную мудрость того времени (EBRD, 1999, p.102).

Однако оказалось, что опасения приостановки реформ напрасны (Castanheira, Popov, 2001). В первой половине 90-х годов прошлого века в Восточной Европе партии радикальных реформ выиграли выборы в 3-х случаях из 5, тогда как партии, придерживавшиеся идеологии более медленных реформ потерпели поражение в 4 случаях из 4, а бывшие компартии проиграли выборы в 2 случаях из 4 (Aslund, Boone, Johnson, 1996). Более того, в тех восточноевропейских странах, в которых партии радикальных реформ (шокотерапии) потерпели поражение на выборах, реформы не были остановлены. В уже упоминавшемся докладе ЕБРР 1999 г., посвященном политэкономии реформ (EBRD, 1999, глава 5), показано, что индекс экономических реформ скоррелирован с рассредоточенностью политической власти: страны с ограниченными полномочиями исполнительной власти (президента и/или премьер-министра), с правительствами, опирающимися на коалиции, а не на парламентское большинство, с часто

сменявшимися правительствами и с более высоким индексом демократии в целом были впереди других и в области экономических (рыночно-капиталистических) реформ. Исследование случаев остановки реформ (Hellman, 1998) показало, что частота выборов не тормозит реформы, но, наоборот, помогает продвигать их вперед. В другом исследовании на панельных данных по 25 посткоммунистическим странам (Dethier, Ghanem and Zoli, 1999) делался вывод, что политическая демократизация способствует экономической либерализации. Даже те слои населения, которые в основном пострадали от реформ (пенсионеры и безработные) голосовали в Восточной Европе за левые (в прошлом – коммунистические) партии не только тогда, когда они были в оппозиции, но и когда они приходили к власти и продолжали реформы (Fidrmuc, 2000). В Венгрии и Польше приватизация и программы «жесткой экономии», включая пенсионные реформы, осуществлялись именно левыми партиями.

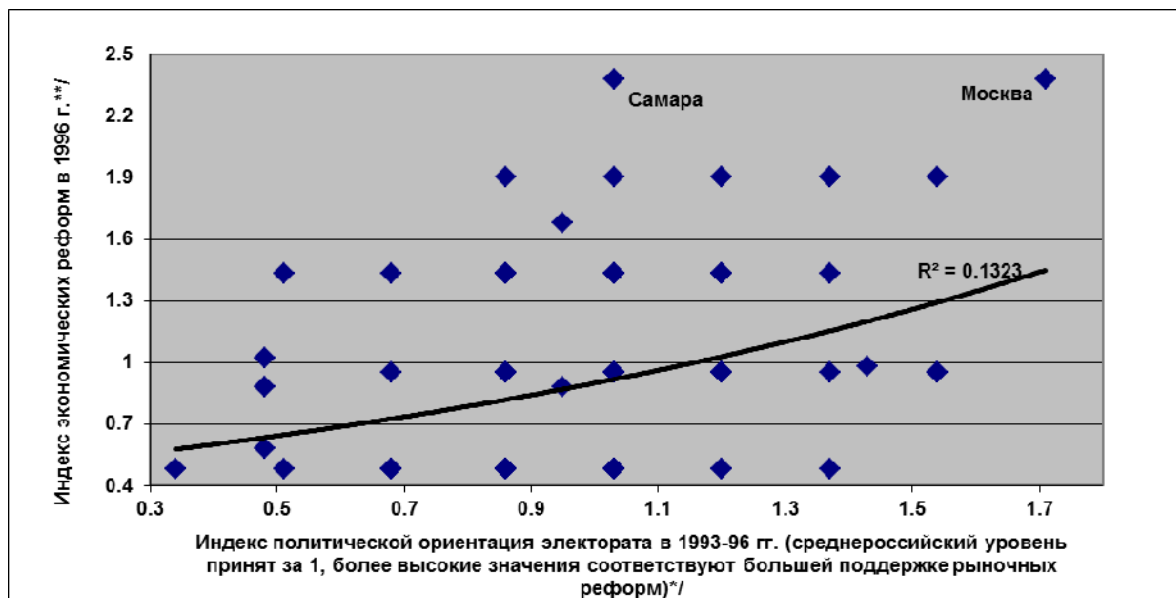
Собственно говоря, более или менее постепенные реформы (градуализм) смогли осуществить только авторитарные режимы (Китай, Вьетнам до 1989 г., горбачевский СССР, Беларусь, Туркменистан, Узбекистан), а в государствах с конкурентными выборами, похоже, и варианта такого не существовало – избиратели в этих странах хотели всего и сразу, независимо от того, было ли это хорошо для экономики или плохо. Во всяком случае, что называется, по факту ни одна демократическая страна не смогла провести экономические реформы постепенно.

В России в разных регионах предпочтения избирателей тоже были скореллированы с индексом экономических реформ (рис. 6) и оставались довольно стабильными (рис. 7) – регионы, голосовавшие за более за прореформистские партии и кандидатов в 1993-96 гг. и менее – за коммунистов, были, как правило, впереди других в дерегулировании цен, малой приватизации и отмене субсидий (Роров, 2001, 2004). Реформаторские усилия региональных правительств поддерживались избирателями на выборах даже при контроле на объективные факторы, такие как уровень урбанизации, образования, предшествующее снижение доходов, долги по зарплате и потребление алкоголя (Warner, 2001).

В ходе самих реформ политическая ориентация населения сильно сдвинулась вправо, несмотря на то, что реформы привели к ухудшению экономического и социального положения абсолютного большинства населения. Опросы населения 1989-90 гг. в СССР зафиксировали в целом отрицательное отношение к капитализму – большинство явно не хотело торговли

землей, хотя и поддерживало семейные фермы, и не питало симпатий к кооперативам, которые в то время продавали продукцию по рыночным ценам и были прикрытием и эвфемизмом для частных предприятий. 47% поддерживало идею частных предприятий, но более 50% считало, что эти предприятия должны быть мелкими, семейными – без прав найма рабочих. 2/3 опрошенных считало, что именно госпредприятия должны преобладать в будущей советской экономике («Известия», 26 февраля 1990г.; «Аргументы и факты», №21, 1990г.; «Экономика и жизнь», 2 ноября 1990г.).

Рис. 6. Политическая ориентация избирателей в 1993-96 гг.*/ и индекс экономических реформ в российских регионах/**

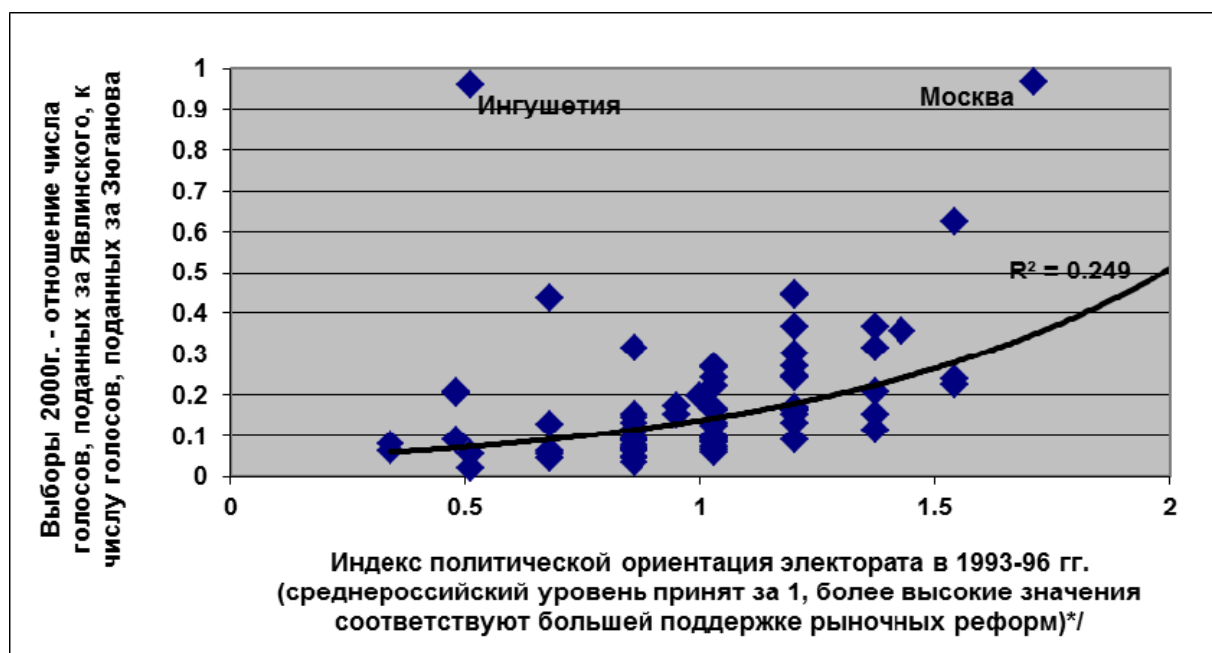
*/ Индекс политической ориентации электората Российского союза промышленников и предпринимателей.

**/ Индекс экономических реформ подсчитан как средняя из оценок либерализации цен, малой приватизации, доли субсидий в региональных бюджетах и в сельскохозяйственной продукции – см. подробнее Роров, 2001).

Источник: Роров, 2001; Роров, 2004.

Год спустя, в 1991г. население, поддержав Ельцина на выборах, фактически одобрило его программу радикальных реформ – шокотерапии с быстрым дерегулированием цен и приватизацией. Почему настроения так резко изменились?

Рис. 7. Политическая ориентация избирателей в регионах России в 1993-96 и в 2000 г.

*/Индекс политической ориентации электората Российского союза промышленников и предпринимателей. Источник: Роров, 2001; Роров, 2004.

Можно назвать несколько частных причин, которые у многих на уме, но главными, тем не менее, не являются. Например, ни эксперты, ни население не были способны предсказать будущее, причем ошибка в прогнозах, мягко говоря, была вопиющей. Как видно из таблицы 1, в 1990г. обсуждение вариантов перехода к рынку основывалось на прогнозах роста производства к 1995 г. на 25-50%, тогда как на самом деле производство не выросло, а сократилось в 1990-95гг. примерно на треть².

² В конце 80-х годов прошлого века практически все эксперты ожидали ускорения роста производства после рыночных реформ. В 1989 г. автор этих строк написал очерк под названием «Затяните пояс, впереди трудные времена», в котором прогнозировался спад производства на 25-30% в течение 3-5 лет. Несколько советских газет отказались от публикации, посчитав, что такой прогноз чрезмерно драматизирует ситуацию (на английском очерк появился в *Geonomics Newsletter*, May-June 1991). Но и в 1990 г., когда сокращение производства уже началось и у нас, и в Восточной Европе, предсказания программы перехода к рынку «500 дней» были: временное сокращение производства (количественно не определенное) в первые 400 дней рыночных реформ, рост уровня безработицы с 4% в 1990 г. до 8% в 1991 г. и стабилизация уровня жизни в течение всего переходного периода (Шаталин, 1990). На самом деле сокращение производства продолжалось не 400 дней, а почти 10 лет (1989-98 гг.) и составило 45%, уровень безработицы вырос до 13% к 1999г., реальные доходы упали в 1991-98гг. на 40% (рис. 8).

Таблица 1. Два сценария развития, представленные Правительством СССР Верховному Совету в мае 1990 г.

Годы	Показатель	Вариант шоковой терапии, прирост показателя в % к 1990 году	Вариант постепенного перехода, прирост показателя в % к 1990 году
1991	ВВП	-10 – -15	-5 – -9
	Занятость	-5 – -7	-3 – -5
	Инвестиции	-47 – -52	-14 – -19
	Реальные доходы	-4 – -7	-1 – -3
1995	ВВП	+44 – +50	+25 – +35
	Занятость	0 – +2	0 – +1
	Инвестиции	+47 – +57	+5 – +10
	Реальные доходы	+25 – +30	+5 – +10

Источник: Экономика и жизнь, 1990, № 28.

Другая причина – неспособность прогнозировать рост доходного неравенства. Обыватели, видимо, руководствовались прошлым опытом, советскими представлениями о низком доходном неравенстве и гарантии прожиточного минимума. На деле, доходное неравенство резко выросло, так что для 90% населения реальные доходы не просто сократились в 90-е годы, а упали больше чем наполовину. Немного сгладило ситуацию более резкое сокращение инвестиций (увеличение доли потребления в ВВП) и улучшение условий торговли России – повышение цен на нефть, газ металлы, которое дало порядка 400 млрд. долл. дополнительных доходов в год³, или почти 3000 долл. на душу населения в год. Но даже и с учетом этих факторов для большинства населения реальные доходы восстановились до уровня конца 80-х годов лишь 20 лет спустя, к кризису 2008-09 гг., так что большинство населения пострадало от переходы к рынку, который само же и поддержало.

Но все же эти факторы не главные, не могут полностью объяснить поддержку реформ большинством. Ведь даже падение производства и рост неравенства после реформ не привели к полевению избирателей – требования национализации природных ресурсов и введения прогрессивного подоходного налога, не говоря уже о более радикальных левых мерах, в XXI

³ Экспорт России вырос с 46 млрд. долл. в 1992 г. до 523 млрд. долл. – в основном из-за повышения цен на нефть, газ, металлы.

веке не находят поддержки большинства. «Шальные» же доходы, такие как нефтяная рента, многие страны не получали, но и в этих странах наблюдался сдвиг общественных предпочтений в сторону интересов крупного капитала. Главное поэтому, видимо, состоит в том, что вопреки фактам и логике в массовом сознании сохраняются иррациональные стереотипы: высокие налоги и большое государство вредны для экономического роста, а вероятность быстрого обогащения выше, чем вероятность выиграть от прогрессивных налогов. Эти стереотипы в свою очередь поддерживаются средствами массовой информации и политической системой, которые в значительной степени контролируются частным капиталом.

3. Мы все хотим быть богаче других? (XXI век)

В знаменитой «Одноэтажной Америке» Ильф и Петров (2011, с. 223-6) рассказывают, как в Аризоне в 1935 году безработный американец предложил рецепт создания справедливого общества:

– Надо отобрать у богатых людей их богатства... отобрать деньги и оставить им только по 5 миллионов.

Мы спросили, не много ли это – по пять миллионов.

Но он был тверд.

– Нет, надо им все-таки оставить по пять миллионов. Меньше нельзя...

– Ну, как вы думаете, почему этот несчастный человек хочет оставить миллионерам по пяти миллионов? – спросил мистер Адамс, всезнающий компаньон советских журналистов очень прогрессивных убеждений.

– Не знаете? Ну, так я вам скажу. В глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером. Американское воспитание – это страшная вещь сэры!

Справедливости ради надо сказать, что это не только «американское воспитание», но и российское – до 1917 г. и после 1991г., и любое капиталистическое. Недавняя книга Дж. Стиглица о неравенстве (Stiglitz, 2012) как раз и исследует этот парадокс – в демократическом обществе даже скромные меры по ограничению крупных состояний (прогрессивный налог на доходы, например) не поддерживаются большинством населения, хотя и соответствуют интересам этого большинства. Без специальных ограничений на участие частного капитала в СМИ, в рекламе и выборах, владельцы крупных состояний без труда навязывают массовому сознанию представления, соответствующие их интересам и не соответствующие интересам большинства. Выборы формально проводятся по принципу

«один человек – один голос», но их результаты фактически соответствуют выборам в акционерной фирме, в которых один голос стоит один доллар.

Исследования выборов в американский конгресс (Jacobson, 1978) показывают, что расходы на избирательную кампанию во многом объясняют победу кандидатов, особенно новых кандидатов, не занимающих выборных должностей. Но дело, конечно, не только в непосредственном финансировании избирательных кампаний, но и в финансировании средств массовой информации, неприбыльных организаций, политических партий и ассоциаций, научных исследований, рекламы и многого другого, что формирует общественное мнение. Каждый избиратель стремится к максимизации своего благополучия, но как этого достичь, за каких кандидатов голосовать – это в значительной, если не в решающей, степени определяется господствующими стереотипами, в формировании которых финансовая поддержка играет первостепенную роль.

Российское население, как и любое другое, стремится к более высокому материальному благосостоянию и лучшему социальному климату. Рост доходов и продолжительности жизни, снижение безработицы и преступности в России, как и в других странах, при прочих равных условиях ведут к большей удовлетворенности жизнью, к повышению самооценки благополучия/счастья (табл. 2, рис. 8). Но вот, какая именно политика нужна для роста личных доходов и повышения продолжительности жизни – в этой области массовое сознание иррационально и отражает интересы крупного капитала, самых зажиточных слоев населения, а не среднего класса и тем более не бедняков.

Совершенно очевидно, например, что большинство населения выиграет от введения прогрессивного подоходного налога, что вероятность разбогатеть так, чтобы платить подоходный налог по самой высокой ставке, меньше, чем вероятность выиграть от высокого подоходного налога через больший доступ к общественным благам (образование, здравоохранение и др.) и лучшее социальное обеспечение. Но большинство, тем не менее, выступает против крутой прогрессии налоговых ставок.

Совершенно очевидно также, что введение бесплатного образования и здравоохранения отвечает интересам большинства населения, однако в развивающихся странах такая система встречается крайне редко. Для максимального увеличения средней

продолжительности жизни, если считать, что жизнь олигарха так же ценна как и жизнь бедняка, ограниченные ресурсы, которое общество готово выделить на здравоохранение, надо, конечно же, распределять равномерно, точнее только в соответствии с медицинскими показаниями. Но во всех демократических странах, даже при наличии бесплатного минимума медуслуг, богатые могут получить лучшую медицинскую помощь. Собственно говоря, бесплатное здравоохранение и образование в бедных странах вводилось только авторитарными социалистическими правительствами (СССР, Китай, Куба), а в демократических странах того же уровня развития эти услуги были в значительной степени платными, так что продолжительность жизни и уровень образования там были ниже.

Таблица 2. «Индекс счастья» в России по опросам ВЦИОМ

В жизни бывает всякое - и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, Вы счастливы или нет? (закрытый вопрос, один ответ)														
	VI. 90	V. 91	II. 92	II. 98	III. 08	III. 09	IX.09	III.10	IX. 10	IV.11	IX 11	IV.12	IV.13	IV.14
Определенно да	5	8	2	16	22	19	19	20	14	19	15	21	23	25
Скорее да	39	52	40	44	55	50	53	52	56	48	51	56	54	53
Скорее нет	22	24	31	19	12	16	17	14	19	20	21	16	15	12
Определенно нет	5	5	5	6	3	5	4	3	3	5	4	2	3	2
Затрудняюсь ответить	29	12	23	15	8	11	7	11	9	8	9	5	6	8
Индекс	17	31	6	35	62	48	51	55	48	43	41	59	59	64

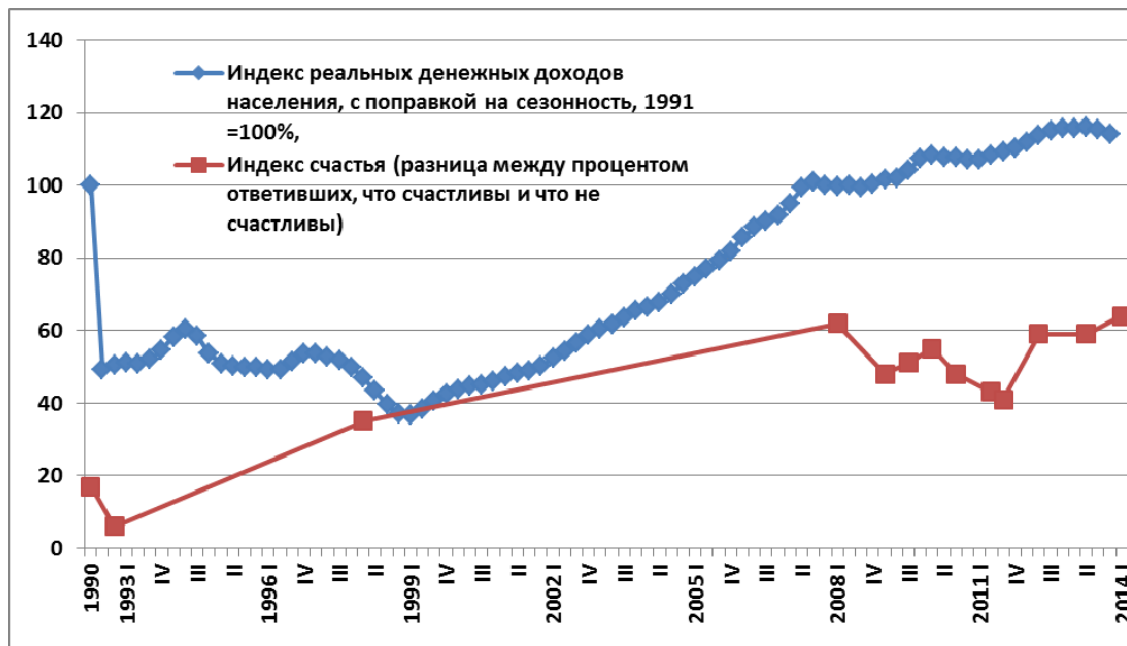
Примечание: Индекс счастья – разница между процентом ответивших, что счастливы и что не счастливы.

Источник: ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114812>)

Изменить стереотипы общественного сознания крайне трудно. В одном из исследований (Gentzkow, Shapiro, 2010) доказывается, что предвзятость прессы объясняется не политической ориентацией собственника газеты, а предпочтениями электората: в избирательных округах, традиционно голосующих, например, за республиканцев, газеты обнаруживают именно республиканскую ориентацию, так как читателям больше нравится находить подтверждение (а не опровержение) своих взглядов, а прибыли газет (доходы от рекламы) зависят от тиража. Получается замкнутый круг: консервативные избиратели любят информацию, подтверждающую их взгляды, => СМИ, заинтересованные в

повышении тиража, услужливо эту информацию предоставляют => избиратели еще более укрепляются в своих консервативных взглядах...

Рис. 8. Индекс реальных доходов населения и индекс счастья

Источник: Госкомстат(www.gks.ru), Статистическая база по экономике РФ, сайт ВШЭ (http://sophist.hse.ru/exes/tables/HNI_Q_I.htm), ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114812>)

Разорвать этот порочный круг, видимо, могут либо реформы сверху, запрещающие участие частного капитала в СМИ в политическом процессе (ближе других к такой системе подошли некоторые европейские страны, в частности скандинавские, с государственным финансированием политических партий и СМИ), либо революции, происходящие когда разрыв между стереотипами общественного сознания (возможности обогащения) и действительностью (обнищание) достигает критических значений.

*

*

*

Общественное сознание в СССР, таким образом, отражало реальные экономические изменения, в частности, разочарование советской элиты и народа в социализме из-за

утраты социального динамизма в 70-80-е годы, но со значительным временным лагом. Представления о будущем формируются в основном на основе экстраполяции прошлых тенденций (адаптивные ожидания), а собственные возможности и способности, как правило, сильно переоцениваются (противоречивая вера широких слоев населения и в сохранение низкого неравенства, и в собственный экономический успех одновременно в 90-е годы). В условиях же незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) средства массовой информации и избирательные кампании контролируются владельцами крупных состояний и лицами с высокими доходами, так что возникает замкнутый круг: рыночные реформы и частная собственность рожают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы, но и обладают рычагами поддержания своего экономического и политического влияния через СМИ и демократические выборы. Возвращение общественных предпочтений к «норме» – к стереотипам, отражающим интересы большинства, возможно лишь при отделении СМИ и политического процесса в целом от частного капитала и частного финансирования.

Литература

Ильф, И., Е. Петров (2011). Одноэтажная Америка. М.: «Текст», 2011.

Попов, В. (2000). Почему падение производства в регионах России было неодинаковым. – *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, 2000г.

[Попов, В. \(2007\). Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период. - "Неприкосновенный запас", №2 \(52\), 2007.](#)

[Попов, В. \(2008\). Закат плановой экономики. - "Эксперт", № 1 \(640\), 29 декабря 2008г.](#)

Шаталин, С. и др. (1990). *Переход к рынку. Концепция и программа*. М., 1990.

Alesina, A. and Rodrik, D. (1994). Distributive Politics and Economic Growth. – *Quarterly Journal of Economics*, 1994, May, Vol. 109, No.2, pp. 465-90.

Åslund, Anders, Boone, Peter, and Johnson, Simon (1996). How to Stabilize: Lessons from Post-communist Countries. *Brookings Papers Econom. Activity*, 1: 217-313, 1996.

Castanheira, M., V. Popov (2001). [Framework Paper on the Political Economy of Growth in Transition Countries. EERC working paper, 2001.](#)

Dethier, Jean-Jacques, Ghanem, Hafez, Zoli, Edda (1999). Does Democracy Facilitate the Economic Transition? World Bank, 1999.

EBRD (1999). Transition Report 1999. EBRD, London, 1999.

Fernandez, Raquel, and Rodrik, Dani (1991). Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual Specific Uncertainty. – *American Economic Review*, 1991, Vol. 81 (5), 1146-1155.

Fidrmuc, Jan (2000). Political Support for Reforms: Economics of Voting in Transition Countries. – *European Economic Review*, 44 (2000, August).

Gentzkow, Mathew, and Jesse M. Shapiro (2010). What Drives Media Slant? Evidence from US Daily Newspapers. – *Econometrica*, Vol. 78, No. 1 (January, 2010), pp. 35–71.

Hellman, Joel (1998). Winners Take All: The politics of Partial Reform. – *World Politics*, 50, January 1998.

Jacobson, Gary C. (1978). The Effects of Campaign Spending in Congressional Elections *The American Political Science Review*, Vol. 72, No. 2 (Jun., 1978), pp. 469-491

Persson, T., Tabellini, G. (1994). Is Inequality Harmful for Growth? – *American Economic Review*, 1994, June, Vol. 84, No. 3, pp. 600-21.

Popov, Vladimir (2001). [Reform Strategies and Economic Performance of Russia's Regions. – World Development, Vol. 29, No 5, 2001, pp. 865-86.](#)

Popov, Vladimir (2004). [Fiscal Federalism in Russia: Rules versus Electoral Politics.](#) – [Comparative Economic Studies](#), Vol. 44, No. 4, Dec. 2004, pp. 515-41.

Popov, V. (2007). [Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s.](#) In: [Transition and Beyond.](#) Edited by: Saul Estrin, Grzegorz W. Kolodko and Milica Uvalic. Palgrave Macmillan, 2007.

Popov, V. (2014). [Socialism is dead, long live socialism! - MPRA Paper No. 54294, March 2014.](#)

Stiglitz, Joseph E. (2012). [The price of inequality: how today's divided society endangers our future](#) / New York : W.W. Norton & Co., 2012.

Warner, Andrew M., (2001). [Is Economic Reform Popular at the Polls? Russia 1995.](#) – [Journal of Comparative Economics](#), , vol. 29(3), September 2001. Pp. 448-465.